

Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. 2026. № 1 (90). С. 123–133.
The Bulletin of Ryazan State University named for S. A. Yesenin. 2026; 1 (90):123–133.

Научная статья

УДК 821.161.1-31.09«16/17»

DOI 10.37724/RSU.2026.90.1.012

Купеческие повести XVII — начала XVIII века: теоретико-методологические принципы изучения

Елизавета Игоревна Болтикова

Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина;
Рязанский историко-архитектурный музей-заповедник, Рязань, Россия
eboltikova@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается ряд вопросов, связанных с научными принципами изучения купеческих повестей переходного периода, позволяющими выявить художественно-эстетическую, жанрово-типологическую и сюжетно-мотивную целостность изучаемых памятников русской словесности. Исследование проведено с опорой на следующие методологические подходы: сравнительно-сопоставительный, жанрово-генетический, интертекстуальный, сюжетно-композиционный, мотивный и культурно-исторический. Анализ конкретных текстов позволил сделать следующий вывод: единство жанра, образно-персонажного ряда, а также использование одних и тех же мотивов (например, мотив путешествия, демонологический мотивный комплекс, мотив «отцы — дети») указывают на обращение к схожим сюжетно-фабульным схемам. Полученные результаты имеют как практическое применение (включение в образовательный процесс высшей школы), так и теоретическое: на их основании в дальнейшем возможно рассмотрение купеческих повестей XVII — начала XVIII века в качестве единого исследовательского цикла.

Ключевые слова: купеческие повести XVII — начала XVIII века, литература переходного периода, жанровая организация, образно-персонажный ряд, сюжетно-мотивный комплекс.

Для цитирования: Болтикова Е. И. Купеческие повести XVII — начала XVIII века: теоретико-методологические принципы изучения // Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. 2026. № 1 (90). С. 123–133. DOI: 10.37724/RSU.2026.90.1.012.

Original article

Merchant tales of the 17th and early 18th centuries: theoretical and methodological principles of study

Elizaveta I. Boltikova

Ryazan State University named for S. A. Yesenin;
Ryazan Historical and Architectural Museum-Reserve, Ryazan, Russia
eboltikova@mail.ru

Abstract. The article examines a range of issues related to the scientific principles of studying merchant tales of the transition period, which allow us to identify the artistic and aesthetic, genre and typological, and plot and motif integrity of these monuments of Russian literature. The study is based on the following methodological approaches: comparative, genre-genetic, intertextual, plot-compositional, motif, and cultural-historical. The analysis of specific texts led to the following conclusion: the unity of genre, imagery and characters, as well as the use of the same motifs (e.g., travel, the demonology, 'fathers and children') indicate a return to similar plot and storylines. The results obtained have both practical application (inclusion in the educational process of higher education) and theoretical value. In the future, it will be possible to consider merchant tales of the 17th and early 18th centuries as a single corpus for researchers.

Keywords: merchant tales of the 17th and early 18th centuries, literature of transitional period, genre organization, imagery and characters, plot and motif complex.

For citation: Boltikova E. I. Merchant tales of the 17th and early 18th centuries: theoretical and methodological principles of study. *The Bulletin of Ryazan State University named for S. A. Yesenin*, 2026; 1 (90):123–133. (In Russ.). DOI: 10.37724/RSU.2026.90.1.012.

Введение

Купеческая тема в литературе Древней Руси прослеживается уже в сочинениях XV–XVI столетий в связи с появлением хождений, в которых в качестве повествователя выступают представители торгового сословия. Однако наиболее полно она раскрылась в повествовательной литературе XVII — начала XVIII века. Предпосылками для формирования купеческих текстов можно считать закономерности культурно-исторического развития русского общества в обозначенный временной период. Рост экономической интеграции всей России и создание единого национального рынка способствовали усилению торгово-ремесленного населения городов — предприимчивые купцы занимали лидирующие позиции и начинали преобразовывать действительность в соответствии со своими интересами и ценностями.

В литературоведении изучение купеческих повестей переходного периода представлено в трудах ученых-медиевистов XX — начала XXI века, однако не является исчерпывающим на данный момент. В целом ряде работ было определено место повествовательного жанра XVI — начала XVIII века в системе средневековой словесности и новаторство книжников, проявившееся в создании беллетристического повествования. Причины возникновения и развитие беллетристики в русской средневековой литературе рассматриваются в коллективном труде «Истоки русской беллетристики» [Истоки русской беллетристики, 1970]. С этих позиций были также проанализированы купеческие повести переходного периода. Например, М. О. Скрипиль и Д. С. Лихачев более подробно рассматривают «Повесть о Савве Грудцыне», А. С. Демин отдельную статью посвящает исследованию «Повести о Горе-Злочастии» [см.: Скрипиль, 1948 ; Лихачев, 1983 ; Демин, 2008]. Основываясь на фундаментальных обобщающих трудах, современные исследователи анализируют отдельные тексты и обращаются к частным проблемам их анализа: жанрово-поэтическому [см.: Скрипиль, 1951 ; Званцева, 1986 ; Литература Московской и домосковской Руси, 2008, с. 723–737 ; Сенькина, 2014а], сюжетно-мотивному и образно-персонажному [см.: АLEXINA, 1994 ; Сенькина, 2013, 2014б ; Дроздова, 2015, 2017], идейно-художественному [см.: Охтен, 2002] своеобразию купеческих повестей XVII — начала XVIII века¹.

Для данного переходного периода характерно восприятие и интерпретация явлений окружающего мира с помощью разума: в XVII веке теоцентризм сменяется антропоцентризмом, что включает в себя постепенный процесс отделения культуры от следования строгим религиозным догмам. Это приводит к проявлению в книжности индивидуально-авторских черт, психологизации и детализации образно-персонажного ряда. Демократизация и беллетризация словесности определяли также и те изменения, которые происходили в литературно-художественной системе, а именно трансформацию жанровых форм, стилей повествования, усложнение сюжетно-мотивного комплекса.

Таким образом, целью нашего исследования является научное воспроизведение теоретико-методологической базы, позволяющей всесторонне рассмотреть купеческие повести XVII — начала XVIII века, а также сделать вывод об их художественно-эстетической, жанрово-типологической и сюжетно-мотивной целостности. Исходя из этого, в статье решены следующие задачи: систематизирован научно-исследовательский материал, связанный с изучением купеческих повестей XVII — начала XVIII века в контексте общих тенденций словесности Древней Руси, купеческие повести рассмотрены в аспекте их жанрового, образно-персонажного и сюжетно-мотивного своеобразия. В ходе работы были использованы следующие методы исследования: историко-культурный, позволивший проанализировать жанрово-поэтические и аксиологические особенности купеческих памятников древнерусской литературы в контексте эпохи; сравнительно-исторический, используемый при сопоставлении текстов беллетристической литературы о куп-

¹ Также этот вопрос рассматривается нами в статьях: [Болтикова, 2017, 2018, 2021, 2022а, б, в, 2024а, б, 2025а, б].

цах, написанных под влиянием переводной литературы в контексте меняющейся исторической действительности XVII — начала XVIII века; историко-типологический и интертекстуальный, дающие представление о постепенно складывающемся сюжетно-мотивном комплексе и жанровой специфике купеческих повестей, а также об их общности, позволяющей считать рассмотренные памятники единым исследовательским циклом.

Основная часть

Жанровая система средневековой русской литературы в определенной степени основывается на внелитературных факторах, то есть формируется под влиянием внешних историко-культурных процессов. Ведущим жанром купеческой литературы XVII — начала XVIII века является повесть, претерпевшая ряд родовидовых трансформаций, связанных, в первую очередь, с включением в них элементов других жанровых форм, книжных (исторических повестей, агиографических и апокрифических текстов) и фольклорных (сказаний, легенд, былин и волшебных сказок), а также с использованием вымысла, усилением занимательности повествования, внимания к бытовым деталям и интереса к судьбе конкретного персонажа. Свое начало повесть берет в переложении западноевропейских рыцарских повествований (о чем писали еще Д. С. Лихачев и более подробно М. Ю. Люстров [см.: Лихачев, 1999 ; Литература Московской и домосковской Руси, 2008, с. 723–737]), что позволяет говорить о наличии интертекстуальной связи с ними древнерусских оригинальных текстов на уровне жанрово-композиционного своеобразия и сюжетно-мотивного комплекса.

В XVII веке в связи с расширением купеческого сословия и особенным интересом к жизни его представителей в литературе в рамках бытовой повести выделяется новая разновидность этой жанровой формы — купеческие повести. К ним можно отнести, например, переводные: «Повесть о купце Григории» (XVI — начало XVII века) и «Повесть о купце, заложившемся о добродетели жены своей» (конец XVII века), а также оригинальные: «Повесть о христоробивом купце» (XVI — начало XVII века), «Повесть о Горе-Злочастии» (XVII век), «Повесть о Савве Грудцыне» (XVII век), «Повесть о купце, купившем мертвое тело» (XVII век), «Повесть о некоем купце лихоимце» (XVII — начало XVIII века). Исследование обозначенных текстов наглядно демонстрирует усложнение жанра бытовой повести.

Жанровая специфика купеческой повести напрямую связана с ее происхождением. Сравнительно-исторический метод позволяет проанализировать черты западноевропейских новелл о рыцарях в ее составе, что во многом обусловлено источником — прежде всего, переводными текстами. Взяв за основу заимствованный сюжет, книжники наполняли его бытовыми деталями, свойственными жизненному укладу русского человека, а также создавали на его основе оригинальные тексты. Так, трансформировался образ главного героя: из рыцаря в представителя купеческого сословия, миролюбивого и не наделенного богатырскими качествами [см.: Литература Московской и домосковской Руси, 2008, с. 730]. Как и в западноевропейских новеллах о рыцарях, в средневековых русских повестях о купцах прочитывается рассказ, сюжетная канва которого связана с опасными путешествиями, имеющими приключенческий характер. Так, в «Повести о Савве Грудцыне» книжник вначале указывает на путешествие главного героя по торговым делам, что вполне естественно для представителя его сословия, затем включает в повествовательную канву перемещение Саввы по разным городам, сопровождающееся описанием военных успехов под Смоленском.

С повествованием неразрывно связан целый комплекс мотивов:

1. Странствия как по собственной воле, так и вынужденно. Главный герой «Повести о купце, купившем мертвое тело» сознательно, руководствуясь личными представлениями о чести, испытал неудачу в торговле, отправляется в путешествие, чтобы исправить свое положение и не посрамить имени отца. Напротив, безымянный молодец из «Повести о Горе-Злочастии» вынужден странствовать, пытаясь спастись от персонифицированной судьбы.

2. Испытания верности жены. В «Повести о купце, заложившемся о добродетели жены своей» Флорентия наделена идеальными с точки зрения книжника чертами: в основе ее морально-нравственных принципов лежит религиозная система ценностей, женщина успешно преодолевает все преграды и воссоединяется с мужем, таким образом, вынужденная разлука только укрепляет союз благочестивых супругов. Противоположный образ «злой» жены, стремящейся предать мужа, представлен в «Повести о купце Григории», «Повести о Савве Грудцыне».

3. Неузнанность. Героев-купцов в большинстве анализируемых нами памятников сопровождают «помощники», которые остаются неузнанными фактически до самого финала, например, бес в «Повести о Савве Грудцыне», Горе-Злочастие в «Повести о Горе-Злочастии», ангел в «Повести о купце, купившем мертвое тело».

4. Предсказание и его последующее исполнения. Например, это предсказание мудреца в «Повести о купце Григории».

Таким образом, связь с западноевропейскими рыцарскими новеллами прослеживается на жанровом уровне и в сюжетно-мотивной организации исследуемых текстов, что позволяет рассмотреть черты интертекстуальности (соотношения одного текста с другим, подразумевающего в том числе и жанровое родство, диалогическое взаимодействие текстов, обеспечивающего превращение смысла) в купеческих повестях. Применительно к ней мы можем говорить о таких видах интертекста, как вариации на тему претекста, то есть западноевропейских новелл: архитекст (текст, имеющий с другими общие жанровые, композиционные, стилистические, образные и т. д. особенности) и метатекст (текст, написанный на основе уже существующего).

В качестве метатекста можно рассмотреть одно из переводных произведений, претерпевших русскую литературную переработку, — «Повесть о купце Григории» (оригинальное название «Приклад о преступлении душевном и о ранах, уязвляющих души человеческие» («О чернокнижнике и рыцарской жене»)). В этом сочинении книжник следует сюжетной схеме заимствованного текста, но переосмысляет и дополняет его особенностями русского быта и мировосприятия. В первую очередь изменяется главное действующее лицо: безымянный рыцарь превращается в купца Григория, возвращающегося из торговой поездки. Этим объясняются особенности поведения персонажа, в том числе то, что он практически не действует самостоятельно: встречает на обратном пути незнакомого человека, выслушивает предсказание о близкой смерти и возможном избавлении от нее, а затем поступает так, как ему велит «помощник»: «Григорей же, егда погрузися въ воду и посмотре въ зеркало» (с. 105)²; «Григорий же сотвори тако»; «Егда же жидовинъ нача лукъ натягати, а Григорей весь сохранился въ воду» (с. 106). Изменяется и реакция купца на увиденные в чудесном зеркале прегрешения супруги: он не сам наказывает ее, но рассказывает всем о прегрешении, оставляя решение о суде за другими людьми: «Григорий же созва всѣхъ и отца духовнаго, нача имъ на нея жаловатися, како, согласившися с мужемъ новымъ, жидовиномъ, хотя его злой смерти предати...»; «И нынѣ азъ не хошу с нею жити, но яко же вы хотите, тако с нею творите»; «И отдаша ея суду градъскому, и тако много мучиша ея и придаша горкой смерти» (с. 106–107). Кроме того, «Повесть о купце Григории» существенно обновляется стилистически — книжник практически не использует заимствованную лексику в тексте произведения.

Архитекстуальность купеческих повестей проявляется в усложнении их жанровой структуры и образно-персонажной системы, а также в связи с литературно-фольклорным характером жанровой системы древнерусской словесности. Книжники еще в XI–XIII веках переосмысливали традиционные жанры, заимствованные в культуре Византии и Болгарии, в соответствии с потребностями русской действительности. Вплоть до второй половины XVII века они обращались к жанрам фольклора, но не механически транспонировали их в книжную литературу, а создавали новые жанровые образования из слияния книжных и фольклорных элементов. Влияние фольклорных жанров было активным и в купеческих повестях. Например, наряду с традиционными элементами книжник приносит в структуру «Повести о Горе-Злочастии» элементы устного народного творчества:

1) стилизацию былинного стиха:

Будеть молодець уже в разумѣ, въ беззлобии,
и возлюбилы его отецъ и мать,
учити его учили, наказывать,
на добрые дѣла наставлятъ:
«Милое ты наше чадо,
послушай учения родителскаго,
ты послушай пословицы добрыя,
и хитрыя, и мудрыя,
не будеть тебѣ нужды великия,
ты не будешь в бѣдности великой (с. 32);

² «Повесть о купце Григории», «Повесть о Горе-Злочастии», «Повесть о Савве Грудцыне», «Повесть о купце, купившем мертвое тело» и «Повесть о купце, заложившемся о добродетели своей жены» цит. по: [Библиотека литературы Древней Руси, 2006] с указанием страниц.

2) общие с былиной сюжетные линии и ходы, такие как приход героя на пир и его похвальба:

Какъ будет пир на веселие,
и всѣ на пиру гости пьяны, веселы,
и сѣдя всѣ похваляютца,
молодецъ на пиру невесель сѣдить,
кручиноват, скорбень, нерадостень (с. 35);

3) характерные для былин поэтические приемы, например устойчивые слова и выражения: «послушай учения родительскаго», «не ходи, чадо», «люди добрыя», «посадили ево за дубовой столъ», «чара ли зелена вина», «злочастие великое» и т. д.

Фольклорные элементы находят отражение также в «Повести о некоем купце лихоимце». В ней используется в качестве повествовательной основы занимательный фольклорный сюжет о путешествии в ад, сопоставимый с былиной о новгородском купце Садко и сказкой «Скрипач в аду». Подобно героям устного народного творчества, скоморох оказывается в потустороннем мире (но, в отличие от первых, по своей воле и с целью заработка) и спасается от его обитателей, только проявив смекалку: «Рече же он к ним: “Отпустите мя домой, откуда придох, и аз принесу вся свирели моя и поиграю zde, и повеселю вас”»; «он же приде и припаде с молением и со слезами теплыми ко иерею, моля его, да примет на покаяние» [Повесть о некоем купце лихоимце, 1991, с. 382]. При этом обращение к Богу за помощью, принятие крещения — осознанный выбор героя «Повести о некоем купце лихоимце», а пожертвование былинным Садко средств на строительство церкви Миколы Можайского — плата за подсказку и избавление от участи остаться у морского царя навсегда. Таким образом, книжник наделяет образ скомороха большей самостоятельностью в отличие от фольклорных героев, но в сознании автора все еще сильны религиозные представления о мире и главных общечеловеческих ценностях, о чем и говорит нам развязка исследуемой повести.

В анализируемых текстах наблюдается жанровый синкретизм: происходит обновление традиционных для древнерусской письменности жанровых образований за счет их взаимовлияния. Ярким примером синтеза нескольких жанров, наиболее востребованных в словесности того времени, является «Повесть о Савве Грудцыне». В ней представлено несколько вспомогательных сюжетных линий, в которых переплелись черты исторических сказаний о Смутном времени: «Бысть убо во дни наша, в лѣто 7114-го, егда за умножение грѣховъ наших попусти Богъ на Московское государство многомерзскаго отступника и еретика Гришку Отрепьева похитити престоль Российскому государству, разбойнически, а не царски восприят» (с. 44), воинских повестей: «Савва же исправися, нападаетъ на поляка онаго и убивает его, но и с конемъ в таборы привлече и немалъ зазоръ полякам учини. Потом же нача из града выходить и свалным боемъ битися» (с. 54–55), а также переводных авантюрно-приключенческих романов (любовная история, описание путешествий по разным городам). Помимо литературных структуру текста дополняют фольклорные жанры:

- духовные легенды — за счет мотива преступления героя, постигшей его кары, покаяния и чудесного исцеления;

- волшебные сказки — использование сюжетных мотивов с мнимым помощником и дарами волшебного помощника, с троекратной победой над богатырями;

- демонологические рассказы — интерпретация сюжета о продаже души дьяволу: «И, помысливъ такую злую мысль во уме своемъ, глаголя: “Егда бы кто от человекъ или самъ дьяволь сотворилъ бы сие, еже бы паки совокупиться з женою оною, азъ бы послужил дьяволу”» (с. 44);

- сказания о чудесах богородичных икон: «...и видевъ Савва пришедшу жену, в бѣлыхъ ризахъ одѣянну, всякими лѣпотами сияюще, глагола ему: “Савва, отсельъ будеши здравъ; к тому не согрѣшай и повелѣние мое да исполни: буди инокъ”» (с. 57).

Автор повести следует то одной, то другой сюжетной линии, чередуя их и подводя действие к неожиданной развязке, что было практически невозможно в словесности предшествующего времени [см.: Болтикова, 2021].

Таким образом, жанр купеческой повести как разновидность бытовой повести сочетает в себе черты как западноевропейских новелл, так и элементы русской средневековой литературной и книжной традиции, а также устного народного творчества. Это определяет жанровый синкретизм, прослеживающийся в исследуемых текстах. Подобное явление — важная черта литературы переходного периода, для которой характерно отклонение от канонов книжности раннего Средневековья.

Еще один жанровый признак купеческих повестей XVII — начала XVIII века — единство образно-персонажной системы, которая также трансформируется с течением времени. В купеческой литературе не только появляется новый тип героя, но и значительно усложняется его характер. Первоначально центральным действующим лицом был благочестивый купец, во всем следующий традиционным религиозным нормам и практически не проявляющий самостоятельности («Повесть о купце Григории», «Повесть о христоробивом купце»), затем на смену ему приходит купеческий сын, наоборот, стремящийся проявить свою индивидуальность, показать самостоятельность и способность влиять на жизненный путь. Этот факт связан с процессом индивидуализации и конкретизации действующих лиц, показанных в сложной обстановке быта и общественных связей, а также близких по своему положению читателю. В купеческих повестях, написанных в конце XVII века, на смену герою-торговцу приходят другие персонажи, чья жизнь и деятельность тесно связаны с купечеством (например, скоморох в «Повести о некоем купце лихоимце»). Усложнение образно-персонажной системы идет и за счет второстепенных образов, например, дьявола в «Повести о Савве Грудцыне», Гора в «Повести о Горе-Злочастии», женских персонажей в «Повести о купце Григории» и «Повести о Савве Грудцыне».

При сопоставлении текстов купеческих повестей XVII — начала XVIII века было выявлено единство их сюжетно-мотивного комплекса. Чтобы изучить сюжет, необходимо проанализировать единство всех его составляющих, а именно комплекс мотивов, на который он опирается, выявить смысловые и структурные связи, а также обнаружить скрытые планы. Развитие сюжета во многом зависит от того, какие мотивы (или их трансформированные варианты) и в какой форме и комбинации используются в произведении.

Ключевым сюжетообразующим мотивом для купеческих повестей XVII — начала XVIII века является мотив путешествия по торговым делам («Повесть о купце Григории») или в потусторонний мир («Повесть о некоем купце лихоимце»), вынужденного странствия в поисках лучшей доли («Повесть о Горе-Злочастии»), который усложняется контаминацией этих мотивных разновидностей. Так, в «Повести о Савве Грудцыне» герой отправляется в рабочую поездку, а оказывается на пороге царства дьявола, в «Повести о купце, купившем мертвое тело» путешествие по торговым делам сменяется странствием в поисках разрешения внутреннего конфликта между чувством нравственного долга и следованием наставлениям отца [см.: Болтикова, 2025а, с. 162].

В качестве объединяющего в купеческих повестях выступает также демонологический сюжетно-мотивный комплекс и связанный с ним образно-персонажный ряд. В анализируемых текстах он проявляется в рассказе о продаже души дьяволу, а также в появлении в сюжете образов нечисти, желающей извести благочестивого героя («Повесть о купце Григории», «Повесть о христоробивом купце») или завладеть душой молодого человека, отклонившегося от традиционных морально-нравственных ориентиров («Повесть о Савве Грудцыне», «Повесть о Горе-Злочастии», «Повесть о некоем купце лихоимце»). Книжники переосмысливают апокрифический первоисточник, что приводит к появлению его трансформаций, однако, объединенных единой идеей — признание непоколебимости традиционной (то есть имеющей религиозную основу) системы ценностей и морально-нравственных качеств. Так, в «Повести о Савве Грудцыне» молодой человек дает рукописание, но не задумывается о последствиях своих слов. Затем он всецело полагается на «названного брата», в котором не узнает беса в человеческом облике (проявление мотива неузнанности), что характерно для купеческих повестей, где герой практически не проявляет самостоятельности в своих решениях. Подобная ситуация, когда «читатель уже знает о природе нового знакомого героя повести, а сам персонаж об этом еще не догадывается», является приемом литературы Нового времени и характеризует книжника уже как вездесущего, всепроникающего автора [см.: Сенькина, 2013, с. 98]. Эта особенность изображения отличает образы нечистой силы в книжных памятниках переходного периода от тех, что включены в ранние средневековые жития. В последних же, наоборот, святым без труда удастся не просто распознать нечисть и обхитрить ее, но и заставить работать в своих интересах.

В сюжетной организации «Повести о Горе-Злочастии», «Повести о Савве Грудцыне» и «Повести о купце, купившем мертвое тело» находят отражение архетипический сюжет о блудном сыне и связанный с ним мотив «отцы — дети», характерные для канонического текста евангельской притчи, вместе с тем отразившие специфику исторической действительности и интерпретированные в соответствии с духом Нового времени. К изучению этого вопроса обращены работы Н. С. Демковой и Э. А. Радь [см.: Демкова, 1996 ; Радь, 2014]. В обозначенных текстах героини-купцы

в силу своего возраста стремятся противостоять патриархальным заветам старших. Они находятся в постоянном движении: уходят из семьи и странствуют в поисках лучшей доли: «Савва же нимало внять матернѣе моление, и клятву ни во что же, токмо в несъитстве блуда упражняшеся» («Повесть о Савве Грудцыне» с. 49), хотят добиться всего самостоятельно, реализовать себя: «Не поиду ныне к нимъ и не скажу, и поиду на другую страну пристанища морскаго, и найду корабельщиков иных» («Повесть о купце, купившем мертвое тело», с. 83). Подобное поведение влечет за собой жизненные испытания на пути обратно к родительскому дому. И только молодой купец из «Повести о купце, купившем мертвое тело» в своем путешествии, несмотря на своеволие и желание превзойти отца в торговых делах, сохраняет верность слову и бескорыстие, а также не поддается соблазнам, в отличие от безымянного молодца из «Повести о Горе-Злочастии» и Саввы Грудцына. Именно опора на христианские морально-нравственные ценности позволяет герою восстановить идиллию отчего дома, а книжнику завершить повесть в соответствии с образцом. Получается, что конфликт поколений в рассмотренном тексте оказывается мнимым [см.: Радь, 2014, с. 88], а завязка сюжета проявляется не столько в уходе из семьи, сколько в ситуации выбора: «Какое я приду и что себе сотворю? Сродники меня спрошают, что за товар купилъ, и станут мне смеятца, такожь скажут отцу моему, и мне от того будет великой срамъ, а родителемъ моимъ — велия печаль» («Повесть о купце, купившем мертвое тело», с. 89).

Иначе разрешается сюжетная коллизия в «Повести о Савве Грудцыне» и «Повести о Горе-Злочастии»: герои проходят через грехопадение, переосмысление жизненных ориентиров, но не помышляют о возможности вернуться в родительский дом. В финале молодые люди оказываются в стенах монастыря, где получают прощение через покаяние и обретают относительную идиллию. Подобный исход, по мнению Э. А. Радь, является следствием проявления человеческой неразумности [Радь, 2014, с. 81]. Таким образом, несмотря на использование в купеческих повестях XVII — начала XVIII века схожих сюжетов, каждый отдельный текст представляет переосмысление книжником западноевропейской и ранней оригинальной литературы, произведений устного народного творчества, жизненных реалий, художественно оформленных.

Общность жанровой формы, образно-персонажной, композиционной систем, а также единство мотивов, складывающихся в сюжеты, позволяет рассматривать купеческие повести как единый исследовательский цикл. В средневековой русской литературе под циклом, как правило, понимается совокупность произведений, объединенных общей тематикой, написанных разными авторами и, иногда, в разное время (Борисо-Глебовский или Куликовский циклы) [см.: Демичева, 2020, с. 172], а также на одной территории (Муромский цикл и др.). Д. С. Лихачев обращал внимание на необходимость изучения последовательности текстов, содержащихся в конкретном исторически сложившемся сборнике с устойчивым или относительно устойчивым составом [Лихачев, 2001, с. 242]. Современные литературоведы-медиевисты также подчеркивают важность наличия единства сюжета, повторяющихся элементов в композиции и стиле, общей идеи [см.: Бахтина, 1989, с. 47], а также сходных мотивов, деталей, композиции и фразеологии [см.: Демин, 2014, с. 649] для того, чтобы обосновать объединение русских средневековых текстов в единый цикл. Среди новейших работ, посвященных этой теме, — монография О. А. Туфановой «Древнерусская литература о Смутном времени как художественный феномен» [Туфанова, 2019], где весь корпус текстов о Смуте понимается как макроцикл, объединенный тематически, мотивно и идейно. Более подробный анализ особенностей циклизации купеческих повестей XVII — начала XVIII века в силу недостаточной изученности представляется предметом отдельного исследования.

Заключение

Особенностью древнерусской литературы рассматриваемого периода является постепенная секуляризация и усиление светского начала, развитие художественной образности. Предпосылками для освобождения литературы от подчинения сугубо прагматическим целям послужили увеличение социального опыта и социального круга авторов и читателей, а также возникновение интереса к частной жизни и психологии человеческой личности. Активное развитие экономики и торговли привело к расширению и усилению общественной роли купеческого сословия, представители которого оказали большое влияние на древнерусскую культуру и систему ценностей: купцы выступали в качестве меценатов — по их заказу писались картины, создавались архитектурные сооружения, переписывались книги и т. д. Это способствовало развитию в литературе Древней Руси купеческой темы и появлению нового типа героя — представителя торгового сословия.

Основным действующим лицом купеческой литературы в большинстве случаев становятся представители молодого поколения, которые проявляют неподчинение традиционному бытовому укладу и стремятся быть самостоятельными в выборе своего жизненного пути. Как правило, они всегда изображены в движении, что имеет прямую связь с родом их профессиональной деятельности. Однако в сюжетной канве произведений, как и в авторской оценке поведения героев-купцов, находит отражение приверженность книжников к традиционным духовным ценностям, хотя при этом они переосмысливают даже текст Священного Писания в соответствии с собственным творческим замыслом. Вместе с тем преобладающей остается идея о превосходстве духовного над материальным, мысль о милосердии и сострадании, о вечной жизни и спасении души.

Ориентация на демократические слои населения способствовала беллетризации книжной культуры. Это повлияло и на то, что наиболее распространенным жанром купеческой литературы становится повесть (а именно разновидность бытовой повести), генетически восходящая к сюжетам западноевропейских новелл о рыцарях. При этом в ее отношении постепенно вырабатываются собственные жанровые признаки, основанные на родовидовых трансформациях за счет заимствования отдельных элементов из традиционных книжных и фольклорных форм, что служит причиной появления в переходный период оригинальных русских купеческих повестей.

Нами был выделен ряд особенностей сюжетно-мотивного комплекса, позволяющий объединить купеческие повести XVII — начала XVIII века в единый цикл. В повествовательный канон рассмотренных текстов входят мотив путешествия, демонологический сюжетно-мотивный комплекс, мотив «отцы — дети», реализующийся в архетипическом сюжете о блудном сыне. При этом мотивы могут быть разного происхождения и не механически повторяться в исследуемых памятниках, а варьироваться в зависимости от авторской идеи и предпринятого сюжетно-фабульного развития. Видоизменение мотивов обуславливает трансформацию сюжетных линий купеческих повестей, причем отмечается постепенное усложнение повествования: от теологической «заданности» к внутренней динамике сюжетного развития.

Список источников

1. Алехина Л. И. Образ Горя-Злочастия (К вопросу о мировоззрении автора «Повести о Горе-Злочастии») // Герменевтика древнерусской литературы / отв. ред. О. В. Гладкова. — М. : ИМЛИ РАН, 1994. — Сб. 7, ч. 2. — С. 313–322.
2. Бахтина О. Н. О жанрообразующей роли циклизации в древнерусской литературе // Проблемы метода и жанра : сб. ст. / отв. ред. Ф. З. Канунова. — Томск : Изд-во ТГУ, 1989. — Вып. 15. — С. 46–57.
3. Болтикова Е. И. Евангельский сюжет о блудном сыне в купеческой повести XVII века // Мировая литература глазами современной молодежи : сб. материалов III Междунар. студенч. науч.-практ. конф. / науч. ред. С. В. Рудакова. — Магнитогорск : Изд-во Магнитогор. гос. техн. ун-та им. Г. И. Носова, 2017. — С. 95–99.
4. Болтикова Е. И. «Повесть о Савве Грудцыне» как пример жанровых трансформаций в литературе XVII века // Мировая литература глазами современной молодежи. Цифровая эпоха : сб. материалов IV Междунар. студенч. науч.-практ. конф. / науч. ред. С. В. Рудакова. — Магнитогорск : Изд-во Магнитогор. гос. техн. ун-та им. Г. И. Носова, 2018. — С. 103–105.
5. Болтикова Е. И. Сюжетные трансформации купеческой повести XVII века // Слово. Словесность. Словесник : материалы Всерос. с междунар. участием науч.-практ. конф. / отв. ред. Ю. А. Южакова. — Рязань : Ряз. гос. ун-т им. С. А. Есенина, 2021. — Вып. 7. — С. 8–11.
6. Болтикова Е. И. Купеческие повести в контексте историко-культурного развития Древней Руси // Глобальные вызовы в меняющемся мире: тенденции и перспективы развития социально-гуманитарного знания : материалы Междунар. конф. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2022а. — С. 1013–1015.
7. Болтикова Е. И. Сюжетно-композиционная организация купеческих повестей XVI — начала XVIII века // Слово. Словесность. Словесник : материалы Междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. Ю. А. Южакова. — Рязань : Ряз. гос. ун-т им. С. А. Есенина, 2022б. — Вып. 8. — С. 105–107.
8. Болтикова Е. И. Трансформация фольклорного сюжета о путешествии в потусторонний мир в «Повести о некоем купце лихоимце» // Семантика народной культуры в литературе : материалы межвуз. междисциплинар. науч. конф. с междунар. участием / под общ. ред. Д. В. Абашевой. — М. : Моск. пед. гос. ун-т, 2022в. — С. 95–100.
9. Болтикова Е. И. Мотив «отцы — дети» в купеческих повестях XVII — начала XVIII веков // Кирилло-Мефодиевское наследие: словесность, культура, образование : материалы II Всерос. науч.-практ. конф. / отв. ред. Л. Г. Дорофеева. — Калининград : Изд-во БФУ им. И. Канта, 2024а. — С. 34–37.
10. Болтикова Е. И. Формирование антропоцентризма в русской литературе переходного периода (на примере купеческих повестей XVII в.) // Русская литература в России и мире — III : материалы Междунар. науч. конф. / отв. ред. В. В. Башкеева. — Улан-Удэ : Изд-во Бурят. гос. ун-та им. Д. Банзарова, 2024б. — С. 22–30.

11. Болтикова Е. И. Актуальные проблемы в изучении купеческих повестей как жанровой разновидности древнерусской повествовательной литературы // Литература Древней Руси и Нового времени : материалы XIII Всерос. конференции / под общ. ред. Е. В. Николаевой, Н. В. Трофимовой. — М. : МПГУ, 2025а. — С. 158–164.
12. Болтикова Е. И. Купеческие повести в трудах литературоведов-медиевистов XX—XXI вв. // Слово. Словесность. Словесник : материалы Всерос. с междунар. участием науч.-практ. конф. / отв. ред. Ю. А. Южакова. — Рязань : Ряз. гос. ун-т. им. С. А. Есенина, 2025б. — Вып. 11. — С. 13–18.
13. Демичева Н. А. Циклизация древнерусских произведений о присоединении северо-западных земель к великому княжеству Московскому в рукописных сборниках XVI–XVII вв. // Вестник славянских культур. — 2020. — Т. 58. — С. 171–178.
14. Демкова Н. С. Средневековая русская литература: Поэтика, интерпретации, источники : сб. ст. — СПб. : Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1996. — С. 135–147.
15. Демин А. С. Материалы для монографии о художественной эволюции древнерусской литературы // Герменевтика древнерусской литературы / отв. ред. М. В. Первушин. — М. : ИМЛИ РАН, 2014. — Сб. 16–17. — С. 583–690.
16. Дроздова М. А. Образ «злой жены» в произведениях древнерусской словесности XVII века // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. — 2015. — Т. 1, № 4. — С. 9–15.
17. Дроздова М. А. Женские образы в переводной новеллистической повести XVII в. // Новый филологический вестник. — 2017. — Т. 40, № 1. — С. 57–67.
18. Званцева Е. П. Сказочная традиция в русской повести XVII века // Литература Древней Руси. — М. : МГПИ, 1986. — С. 86–94.
19. Истоки русской беллетристики: возникновение жанров сюжетного повествования в древнерусской литературе / отв. ред. Я. С. Лурье. — Л. : Наука, 1970. — 592 с.
20. Литература Московской и домосковской Руси : анализ. пособие / отв. ред. А. С. Демин. — М. : Языки славян. культуры, 2008. — 817 с.
21. Лихачев Д. С. Повесть о Тверском Отроче монастыре, Повесть о Савве Грудцыне, Повесть о Фроле Скобееве // История всемирной литературы : в 9 т. — М. : Наука, 1983. — Т. 4. — С. 353–355.
22. Лихачев Д. С. Развитие русской литературы X–XVII веков: Эпохи и стили. — СПб. : Наука, 1999. — 204 с.
23. Лихачев Д. С. Текстология (на материале русской литературы X–XVII вв.) / при участии А. А. Алексеева и А. Г. Боброва. — СПб. : Алетей, 2001. — 758 с.
24. Охтенъ С. А. Идеино-художественное своеобразие «Повести о Горе-Злочастии» в ее отношении к книжной и фольклорной традициям Древней Руси : дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01. — Омск, 2002. — 172 с.
25. Библиотека литературы Древней Руси / под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, Н. В. Поньрко. — СПб. : Наука, 1997-. — Т. 15 : XVII век. — 2006. — 530 с.
26. Повесть о некоем купце лихоимце // Русская бытовая повесть XV–XVII вв. / сост., вступ. ст. и коммент. А. Н. Ужанкова. — М. : Сов. Россия, 1991. — С. 380–383.
27. Радь Э. А. История «блудного сына» в русской литературе: модификации архетипического сюжета в движении эпох : моногр. — М. : Флинта : Наука, 2014. — 276 с.
28. Сенькина Н. Л. Главный герой в «Повести о Савве Грудцыне» // Русская речь. — 2013. — № 2. — С. 96–100.
29. Сенькина Н. Л. Замысел и композиционное своеобразие «Повести о купце» // Вестник славянских культур. — 2014а. — № 3. — С. 186–194.
30. Сенькина Н. Л. Купеческая тема в «Повести о некоем купце лихоимце» // Проблемы истории, филологии, культуры. — 2014б. — № 4. — С. 234–238.
31. Скрипиль М. О. Повесть о Савве Грудцыне // История русской литературы : в 10 т. — М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1941–1948. — Т. II, ч. 2. — 1948. — С. 222–227.
32. Скрипиль М. О. Народная русская сказка в литературной обработке конца XVII — начала XVIII в. («Повесть о купце, купившем мертвое тело») // Труды Отдела древнерусской литературы / отв. ред. В. П. Адрианова-Перетц. — М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1951. — Т. VIII. — С. 308–325.
33. Гуфанова О. А. Древнерусская литература о смутном времени как художественный феномен. — М. : ИМЛИ РАН, 2019. — 576 с.

References

1. Alekhina L. I. The image of Woe-Misfortune (on the worldview of the author of “The Tale of Woe-Misfortune”). *Герменевтика древнерусской литературы* [Hermeneutics of Old Russian Literature]. Ed. O. V. Gladkova. Moscow, IMLI RAS Publ., 1994, coll. 7, pt. 2, pp. 313–322. (In Russian)
2. Bakhtina O. N. On Genre-shaping role of cyclization in Old Russian Literature. *Problemy metoda i zhanra: sb. st.* [Problems of method and genre: collection of articles]. Ed. F. Z. Kanunov. Tomsk, TSU Publ., 1989, iss. 15, pp. 46–57. (In Russian)

3. Boltikova E. I. The gospel story of the prodigal son in 17th-century merchant tales. *Mirovaya literatura glazami sovremennoy molodezhi: sb. materialov III Mezhdunar. studench. nauch.-prakt. konf.* [World literature through the eyes of modern youth: collection of proceedings of iii international student scientific and practical conference]. Scientific ed. S. V. Rudakov. Magnitogorsk, Magnitogorsk State Technical Univ. named after G. I. Nosov Publ., 2017, pp. 95–99. (In Russian)
4. Boltikova E. I. “The Tale of Savva Grudtsyn” as an example of genre transformations in 17th-c. literature. *Mirovaya literatura glazami sovremennoy molodezhi. Tsifrovaya epokha: sb. materialov IV Mezhdunar. studench. nauch.-prakt. konf.* [World literature through the eyes of modern youth. The Digital Age: collection of materials of IV international student research and practical conference]. Ed. S. V. Rudakova. Magnitogorsk, Magnitogorsk State Technical Univ. named after G. I. Nosov Publ., 2018, pp. 103–105. (In Russian)
5. Boltikova E. I. Plot transformations of 17th-century merchant tales. *Slovo. Slovesnost. Slovesnik: materialy Vseros. s mezhdunar. uchastiyem nauch.-prakt. konf.* [Word. Literature. Slovesnik: Materials of all-Russian research and practical conference with international participation]. Ed. Yu. A. Yuzhakova. Ryazan, Ryazan State Univ. named for S. A. Yesenina Publ., 2021, iss. 7, pp. 8–11. (In Russian)
6. Boltikova E. I. Merchant tales in the context of the historical and cultural development of Ancient Rus'. *Globalnyye vyzovy v menyayushchemsya mire: tendentsii i perspektivy razvitiya sotsialno-gumanitarnogo znaniya: materialy Mezhdunar. konf.* [Global challenges in a changing world: trends and prospects for development of social and humanitarian knowledge: proceedings of international conference]. Yekaterinburg, Ural Univ. Publ., 2022a, pp. 1013–1015. (In Russian)
7. Boltikova E. I. Plot and compositional organization of merchant stories of 16th — early 18th centuries. *Slovo. Slovesnost. Slovesnik: materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* [Word. Literature. Slovesnik: proceedings of international scientific-practical]. Ed. Yu. A. Yuzhakova. Ryazan, Ryazan State Univ. named for S. A. Yesenin Publ., 2022b, iss. 8, pp. 105–107. (In Russian)
8. Boltikova E. I. Transformation of the folklore plot about a journey to the other world in “The tale of a usurer merchant”. *Semantika narodnoy kultury v literature: materialy mezhvuz. mezhdistsipl. nauch. konf. s mezhdunar. uchastiyem* [Semantics of folk culture in literature: proceedings of interuniversity interdisciplinary scientific conference with international participation]. Ed. D. V. Abasheva. Moscow, Moscow Pedagogical State Univ. Publ., 2022, pp. 95–100. (In Russian)
9. Boltikova E. I. The “fathers and children” motif in merchant tales of 17th — early 18th centuries. *Kirillo-Mefodiyevskoye nasledie: slovesnost, kultura, obrazovaniye: materialy II Vseros. nauch.-prakt. konf.* [The Cyril and Methodius heritage: literature, culture, education: proceedings of 2nd All-Russian scientific and practical conference]. Ed. L. G. Dorofeeva. Kaliningrad, I. Kant Baltic Federal Univ. Publ. House, 2024a, pp. 34–37. (In Russian)
10. Boltikova E. I. Formation of anthropocentrism in Russian literature of the transition period (based on merchant stories of the 17th century). *Russkaya literatura v Rossii i mire III: materialy Mezhdunar. nauch. konf.* [Russian literature in Russia and the world — III: Proceedings of international scientific conference]. Ed. V. V. Bashkeev. Ulan-Ude, Buryat State Univ. named after D. Banzarov Publ., 2024b, pp. 22–30. (In Russian)
11. Boltikova E. I. Actual problems in the study of merchant tales as a genre variety of old Russian narrative literature. *Literatura Drevney Rusi i Novogo vremeni: materialy XIII Vseros. konferentsii* [Literature of Ancient Rus' and the New Time: proceedings of XIII All-Russian conference]. Ed. E. V. Nikolaeva, N. V. Trofimova. Moscow, Moscow State Pedagogical Univ. Publ., 2025a, pp. 158–164. (In Russian)
12. Boltikova E. I. Merchant stories in the works of literary scholars-medievalists of the 20th–21st centuries. *Slovo. Slovesnost. Slovesnik: materialy Vseros. s mezhdunar. uchastiyem nauch.-prakt. konf.* [Word. Literature. Slovesnik: Proceedings of All-Russian scientific-practical conference with international participation]. Ed. Yu. A. Yuzhakova. Ryazan, Ryazan State Univ. named for S. A. Yesenin Publ., 2025b, iss. 11, pp. 13–18. (In Russian)
13. Demicheva N. A. Cyclization of Old Russian books on annexation of the northwestern lands to Grand Duchy of Moscow in manuscript collections of 16th–17th centuries. *Vestnik slavyanskikh kultur* [Bulletin of Slavic Cultures]. 2020, vol. 58, pp. 171–178. (In Russian)
14. Demkova N. S. *Srednevekovaya russkaya literatura: Poetika, interpretatsii, istochniki: sb. st.* [Medieval Russian literature: poetics, interpretations, sources: collection of articles]. St. Petersburg, St. Petersburg Univ. Press Publ., 1996, pp. 135–147. (In Russian).
15. Demin A. S. Materials for a monograph on the artistic evolution of Old Russian literature. *Germenevtika drevnerusskoy literatury* [Hermeneutics of Old Russian literature]. Ed. M. V. Pervushin. Moscow, IMLI RAS Publ., 2014, coll. 16–17, pp. 583–690. (In Russian)
16. Drozdova M. A. The Image of the evil wife in Old Russian Literature of the 17th century. *Vestnik leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina* [Bulletin of Leningrad State University named after A. S. Pushkin]. 2015, vol. 1, iss. 4, pp. 9–15. (In Russian)
17. Drozdova M. A. Female images in 17th-century translated short stories. *Novyy filologicheskiy vestnik* [New Philological Bulletin]. 2017, vol. 40, iss. 1, pp. 57–67. (In Russian)
18. Zvantseva E. P. The Fairytale Tradition in the Russian Novella of the 17th-century. *Literatura Drevney Rusi* [Literature of Ancient Rus']. Moscow, Moscow State Pedagogical Institute Publ., 1986, pp. 86–94. (In Russian)

19. *Literatura Moskovskoy i domoskovskoy Rusi: analit. posobiye* [The origins of Russian fiction: emergence of plot-based narrative genres in Old Russian literature]. Ed. Ya. S. Lurye. Leningrad, Nauka Publ., 1970, 592 p. (In Russian)
20. *Literatura Moskovskoy i domoskovskoy Rusi: analit. posobiye* [Literature of Muscovite and Pre-Muscovite Rus': an analytical handbook]. Ed. A. S. Demin. Moscow, Languages of Slavic Cultures Publ., 2008, 817 p. (In Russian)
21. Likhachev D. S. The tale of the Tver Youth Monastery, The tale of Savva Grudtsyn, The Tale of Frol Skobeev. *Istoriya vsemirnoy literatury: v 9 t.* [History of World Literature: in 9 vols.]. Moscow, Nauka Publ., 1983, vol. 4, pp. 353–355. (In Russian)
22. Likhachev D. S. *Razvitiye russkoy literatury X–XVII vekov: Epokhi i stili* [The development of Russian Literature of the 10th–17th centuries: epochs and styles]. St. Petersburg, Nauka Publ., 1999, 204 p. (In Russian)
23. Likhachev D. S. *Tekstologiya (na materiale russkoy literatury X–XVII vv.)* [Textual criticism (based on Russian Literature of the 10th–17th centuries)]. With participation of A. A. Alekseev and A. G. Bobrov. St. Petersburg, Aleteya Publ., 2001, 758 p. (In Russian)
24. Okhten S. A. *Ideyno-khudozhestvennoye svoeyebrazie "Povesti o Gore-Zlochastii" v yeye otnoshenii k knizhnoy i folklornoy traditsiyam Drevney Rusi* [Ideological and artistic originality of “The Tale of Woe-Misfortune” in its relation to the literary and folklore traditions of Ancient Rus]: diss. ... of candidate of philology: 10.01.01. Omsk, 2002, 172 p. (In Russian)
25. *Biblioteka literatury Drevney Rusi* [Library of Literature of Ancient Rus]. Ed. D. S. Likhachev, L. A. Dmitriev, N. V. Ponyrko. St. Petersburg, Nauka Publ., 1997-, vol. 15: 17th c., 2006, 530 p. (In Russian)
26. The story of a certain covetous merchant. *Russkaya bytovaya povest' XV–XVII vv.* [Russian everyday story of the 15th–17th centuries]. Comp., intr. and comm. by A. N. Uzhankov. Moscow, Sov. Russia Publ., 1991, pp. 380–383. (In Russian)
27. Rad E. A. *Istoriya “bludnogo syna” v russkoy literature: modifikatsii arkhетipicheskogo syuzheta v dvizhenii epokh: monogr.* [Story of the Prodigal Son in Russian literature: modifications of the archetypal plot in the movement of eras: monograph]. Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ., 2014, 276 p. (In Russian)
28. Senkina N. L. The Protagonist in “The Tale of Savva Grudtsyn”. *Russkaya rech* [Russian Speech]. 2013, iss. 2, pp. 96–100. (In Russian)
29. Senkina N. L. The concept and compositional specifics of “The Tale of the Merchant”. *Vestnik slavyanskikh kultur* [Vestnik of Slavic Cultures]. 2014a, iss. 3, pp. 186–194. (In Russian)
30. Senkina N. L. The Merchant Theme in “The Tale of a Certain Usurer Merchant”. *Problemy istorii, filologii, kultury*. [Issues of History, Philology, and Culture]. 2014b, iss. 4, pp. 234–238. (In Russian)
31. Skripil M. O. The Tale of Savva Grudtsyn. *Istoriya russkoy literatury: v 10 t.* [History of Russian literature: in 10 vols.]. Moscow, Leningrad, USSR Academy of Sciences Publ., 1941–1948, vol. II, pt. 2, 1948, pp. 222–227. (In Russian)
32. Skripil M. O. Russian folk tales in literary adaptations of late 17th — early 18th cc. (“The Tale of the Merchant Who Bought a Dead Body”). *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury* [Works of Department of Old Russian Literature]. Ed. V. P. Adrianova-Peretz. Moscow, Leningrad, USSR Academy of Sciences Publ., 1951, vol. VIII, pp. 308–325. (In Russian)
33. Tufanova O. A. *Drevnerusskaya literatura o smutnom vremeni kak khudozhestvennyy fenomen*. [Old Russian literature about the Time of Troubles as an artistic phenomenon]. Moscow, IMLI RAS Publ., 2019, 576 p. (In Russian)

Информация об авторе

Болтикова Елизавета Игоревна — магистр филологии, соискатель кафедры литературы и журналистики Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина; научный сотрудник Рязанского историко-архитектурного музея-заповедника.

Сфера научных интересов: словесность Древней Руси, купеческая повествовательная литература XVII — начала XVIII века.

Information about the author

Boltikova Elizaveta Igorevna — master of philology, degree candidate at department of literature and journalism, Ryazan State University named for S. A. Yesenin; research associate, Ryazan Historical and Architectural Museum-Reserve.

Research interests: literature of Ancient Rus, merchant narratives of the 17th — early 18th centuries.

Статья поступила в редакцию 15.11.2025; принята к публикации 13.01.2026.

The article was submitted 15.11.2025; accepted for publication 13.01.2026.